

Шу Нин лежал на больничной кровати, зрение было размытым, и он пытался понять, что же произошло.

В тюрьме интриги, драки и создание группировок были обычным делом. Сегодня в полдень две группы внезапно начали драться, Шу Нин оказался под перекрестным огнем, пытаясь увернуться, он неосторожно упал и скатился со второго этажа, разбив голову, кровь залила пол.

Не везет, но винить общество нельзя.

Кажется... не выжить. Тело все слабее, голова все тяжелее, даже звуки вокруг перестают слышаться.

Шу Нин не испугался, даже почувствовал облегчение. Жизнь прожита слишком неудачно, просто сплошная шутка.

С детства — незаконнорожденный, вырос на руках у бабушки, очень завидовал детям, которых любили родители. Но потом, в средних классах, мама вдруг вернулась, плача и обнимая Шу Нина, каясь, говоря, что больше никогда не расстанется и надеется, что семья из трех человек будет счастливо жить вместе.

Шу Нин, жаждущий родственной любви, без колебаний бросился в объятия мамы, чувствуя необычное тепло и привязанность, был безумно счастлив и верил безоговорочно.

Каким же я был глупым!

Женщина, которая бросила ребенка на столько лет, будучи такой жестокой, как могла внезапно стать доброй к ребенку?

Чтобы увидеть улыбку на лице мамы и не обмануть ее ожиданий, Шу Нин старался быть впереди, защищал младшего брата, угождал родному отцу, жил осторожно и робко, даже не решался купить любимый спорткар, довольствуясь только низкопрофильным и солидным черным Ауди. А за спиной Шу Нин жестко притеснял старшего сына родного отца, наивно веря лжи мамы, думая, что родители — это истинная любовь, а старший брат Шу Хэн — лишь результат брака по расчету и вообще не должен был существовать.

Шу Нин даже считал, что страдания в раннем детстве в деревне и разлука с родными родителями были виной Шу Хэна.

Выдохнув, Шу Нин закрыл глаза, мысли поплыли, и ему захотелось спать.

В этот момент снаружи вдруг стало шумно, будто прибыла какая-то важная персона. Шу Нин горько усмехнулся. Разве прежний он не был богатым сыном богатых родителей? Иначе тщеславный парень как мог бы охотно притворяться понимающим цветком? А друзья-прихлебатели почему называли его братом?

Шу Нин на людях притворялся перспективным молодежью, а за спиной, не терзая совесть, натворил много дурного, а попав в тюрьму, был предан всеми, и даже бывшие железные братья специально прибежали, чтобы добавить ему неприятностей. Теперь вспоминая, правда, глупо, явно без сил, но яростно пакостил, в полуночных снах Шу Нин смотрел в зеркало и чувствовал себя чужим.

Дверь открылась, вошло много народу.

— Как он?

Глубокий низкий голос обладал исключительным магнетизмом, словно строгий и беспощадный характер мужчины, острый взгляд упал на бледное лицо Шу Нина.

Главврач и врачи вспотели от тревоги, только что привезенный человек уже был в агонии по дороге, спасти нельзя, по виду господина Шу, похоже, отношения с умирающим не простые.

Шу Хэн был любимцем судьбы, решительным и энергичным, принадлежал к аристократии на вершине пирамиды, наша больница не могла себе позволить его обидеть, директор собирался с мыслями, вежливо объяснил:

— Слышал, что из-за драки, в тюрьме раны слишком тяжелые, не сразу доставили для первой помощи, задержка слишком долгая, уже... не спасти.

Шу Хэн, который обычно не выказывал эмоций, редко нахмурил брови, помощник тут же понял и велел врачам и директору выйти.

— Господин Шу, не слишком расстраивайтесь, начальник тюрьмы мой старый одноклассник, по вашему желанию я уже поприветствовал его, попросил позаботиться о втором господине Шу, такой случайный инцидент произошел, мне очень жаль, прошу вас выразить соболезнования, — помощник поклонился под углом в девяносто градусов, внутри чувствуя сильное беспокойство, холодный пот пропитал спину.

— Случайный?

— Да, — помощник не смел встать.

— Разберись.

— Да. Помощник поспешил выйти, ноги были ватными. Господин Шу сказал разобраться, значит, точно кто-то навредил второму господину Шу. Черт возьми, в глазах помощника была ледяная пустота, как один из немногих, кто знал происхождение господина Шу, помощник никогда не смея недооценивать Шу Нина, настоящего наследника принца. Если бы не второй господин, подстрекаемый родной матерью, не имея любви к родному отцу и не имея способности наследовать компанию, как бы господин Шу согласился унизиться и управлять компанией, позволяя второму господину спокойно получать дивиденды и жить жизнью богача?

Благодарность за воспитание нельзя не отблагодарить.

В комнате было тихо, Шу Хэн посидел десять минут, потом встал:

— В то время доказательства преступлений тебя и твоей матери я не обнаружил, я собирал доказательства только для того, чтобы заставить твою мать отказаться от права наследования и вести себя прилично, она все еще была бы госпожой Шу, все еще жила бы в родовом поместье, расходы на жизнь на копейку не уменьшились бы... Но я не ожидал, что она предпочтет позволить тебе понести наказание, лишь бы Шу Яо не отказался от права наследования, и ночью сбежала.

— Если бы не сделал тест на отцовство, я бы действительно сомневался, не ее ли ты ребенок.

— У нее в последнее время мелких движений немало, я сейчас не знаю, есть ли связь между твоими делами и ней, но думаю, девяносто процентов, что есть. Если ты умрешь, у нее будет

законный повод вернуться и устроить беспорядок, снова жить в родовом поместье и противостоять мне, ради Шу Яо, этого почти взрослого младшего сына, она и тобой пожертвует. Ведь у нее в руках двадцать процентов акций, плюс твои, еще есть шанс на победу.

— Уходи спокойно, если это действительно она, я разберусь.

Шу Хэн пристально посмотрел на Шу Нина некоторое время, затем развернулся и ушел, в момент закрытия двери из угла глаза Шу Нина выкатилась слеза.

Какая жестокая реальность, тогда доказательства преступлений были широко освещены в СМИ, когда Шу Нин потерял репутацию, мама плача вынула контракт о акциях, бенефициаром был родной брат Шу Яо. Шу Нин тогда еще считал это само собой разумеющимся, вдруг с ним что-то случится, естественно нельзя дешево отдать Шу Хэну этому гаду.

Смешно до крайности. Вечно ожидаемая родственная любовь оказалась такой, даже если столько лет мама не приходила навещать, не звонила, Шу Нин всегда находил повод успокоить беспомощность внутри, Шу Яо еще маленький, маме нужно заботиться о нем, а еще беречься от Шу Хэна, естественно не может разделить, чтобы навестить человека в тюрьме.

Оказывается, так комфортно в тюрьме жить было благодаря стараниям Шу Хэна.

«Брат, прости, все это время я был непонятлив и неправильно понял тебя, если бы с самого начала не боролся с тобой, был послушным и понимающим братом, не было бы все иначе?»

В конце концов, как бы Шу Нин ни старался погубить себя, Шу Хэн не применял жестких мер, напротив, родная мать...

Сожаление, раскаяние, в этот момент сплелись вместе, уже ничего не чувствующий Шу Нин вдруг почувствовал невыносимую боль, перед глазами бушевал белый свет, вообще не мог открыть глаза, тело словно таяло.

«Так плохо... Я еще не хочу умирать...»

Кто-то зовет...

— Шу Нин... Шу Нин, что с тобой? Не пугай меня... Шу Нин? Эй, эй~ Боже, столько пота, не вызвать ли скорую? Шу Нин, скорее проснись, иначе я позову учителя!

Звать учителя за помощь, кажется, очень давно, поведение только в начальной школе.

— Шу Нин~ Шу Нин!

Так шумно, Шу Нин с трудом сел, открыл глаза.

Перед глазами была странная картина, напротив стоял шкаф с вертикальными рядами, на нем еще были имена, внизу смотрел таз, мыло, шампунь и другие предметы быта в беспорядке лежали вместе, все это было продукцией двадцатилетней давности, голова у Шу Нина сильно болела, он потерял виски, пока не встретился с парой беспредельно тревожных глаз, настолько ярких и ясных.

— Староста?

Староста приподнял брови:

— Ты ты ты~ ты~ в порядке?

— Человек или призрак?

— Тебе приснился кошмар? — Староста помахал рукой перед лицом Шу Нина, увидев, что черные глазные яблоки двигаются вслед, успокоился. — Испугал до смерти.

— Испугался до описания? — Я тоже.

— Восемьсот лет назад я уже не описывался в постели! — Староста в гневе подпрыгнул с кровати, лицо побагровело:

— Я забочусь о тебе, а ты смеешься надо мной!

У Шу Нина дрогнули уголки бровей и глаз, он еще посмотрел на старую спальню и болтливую, противного на самом деле, но горячего и доброго старосту, в голове было пусто, гудело, неужели я возродился? Как возможно? Слишком мистически. Но свет надежды словно укоренился, заставляя его не игнорировать, стремясь доказать.

— Староста, сейчас какая эра? То есть, какой год месяц число?

— Учиться плохо не твоя вина, но не понимать базовых знаний слишком печально, как староста, я по долгу должен сказать тебе, не требуя возврата... — БАДАБАДАБАДА~ бесконечно!

<http://bllate.org/book/16573/1513398>